

Т. Н. Потницева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

**Г. ДЖЕЙМС. «ДЕЙЗИ МИЛЛЕР»:
АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ «СМЕРТИ В ВЕНЕЦИИ»**

Розглянуто символічний мотив «смерть у Венеції» у знаменитих творах Генрі Джеймса «Дейзі Міллер» (1879) та Томаса Манна «Смерть у Венеції» (1913). І хоча проблематика кожного з цих творів обумовлена своїм часом, національними та індивідуальними проблемами, у них порушено й проблеми універсального, загальнолюдського характеру. Актуальні для кінця ХІХ століття ідеї про смерть богів, про конфлікт культури та цивілізації, творчої особистості та реальності, яка її губить – все це знаходить своє блискуче втілення у творах багатьох відомих європейських та американських письменників. Новий історико-культурний контекст вносив й нові смисли до образу Венеції як втілення європейської культури, до того їхнього отождолення, яке затвердилося у творчості Байрона, Ж. де Сталь, Стендаля, Тіка тощо. Сучасна дійсність несподівано зробила актуальними думки та висновки про людину та світ у творах американського та німецького авторів, хоча історії, про які йдеться, унікальні та неповторні.

Порівняльний аналіз «Дейзі Міллер» та «Смерть у Венеції» розкриває збіги глибинної рефлексії письменників над суттю людини у її взаємодії із зовнішнім світом. Римська лихоманка, як і чума у Венеції, постають метафорами руйнівної епідемії святенництва й нетерпимості до іншого, що веде до загибелі кохання, культури й особистості. Обидва літературні твори втілюють романтичний конфлікт між дійсністю та великою нереалізованою потенцією людини у її прагненні до особистої свободи й творчості. Попри трагічне завершення історій їхніх героїв, це – гімнічні твори, які написані на славу Людини й через любов до неї.

Ключові слова: смерть у Венеції, націоналізм, зустріч/зіткнення, безвинний, терпимість, право вибору.

Рассмотрен символический мотив «смерть в Венеции» в знаменитых произведениях Генри Джеймса «Дейзи Миллер» (1879) и Томаса Манна «Смерть в Венеции» (1913). И хотя проблематика каждого из произведений обусловлена временем, национальными и индивидуальными проблемами, в них подняты и проблемы универсального, общечеловеческого характера. Актуальные для конца ХІХ века идеи о смерти богов, о конфликте культуры и цивилизации, творческой личности и реальности, которая ее губит – все это находит свое блестящее воплощение в произведениях многих известных европейских и американских писателей. Новый историко-культурный контекст вносил и новые смыслы в образ Венеции как воплощение европейской культуры, в то их отождествление, которое утвердилось в творчестве Байрона, Ж. де Сталь, Стендаля, Тика и т.д. Современная действительность неожиданным образом сделала актуальными мысли и выводы о человеке и мире в произведениях американского и немецкого авторов, хотя истории, рассказанные ими, уникальны и неповторимы.

Сравнительный анализ «Дейзи Миллер» и «Смерти в Венеции» обнажает совпадение глубинной рефлексии писателей над сущностью человека и его взаимодействие с внешним миром. Римская лихорадка, как и чума в «Смерти в Венеции», становятся метафорами губительной эпидемии ханжества и нетерпимости к другому, что ведет к гибели любви, культуры и личности. Оба литературные произведения воплощают романтический конфликт между действительностью и великой нереализованной потенцией человека в его стремлении к личной свободе и творчеству. И именно это определяет объединяющий два произведения пафос. Несмотря на трагическое завершение историй их героев, это – гимнические произведения, написанные во славу Человека и из любви к нему.

Ключевые слова: смерть в Венеции, национализм, встреча/столкновение, невинный, терпимость, право выбора.

The article focuses on the comparative analysis of the symbolic motive “death in Venice” in H. James’s and Th. Mann’s famous works «Daisy Miller» (1879) and «The Death in Venice» (1913). Though the subject-matter in each of them is defined by the writers’ own time, national and individual problems they touch upon some ones which are universal and common to all mankind. The topical ideas of the end of the 19th century about the death of gods and culture, about the conflict of culture and civilization, creative personality and real world which destroys him – all that found its brilliant embodiment in the works of many famous European and American writers. In their own historical – cultural context they gave some new meanings to the image of Venice as an embodiment of European culture – the identification confirmed by the art of Byron, G. de Stael, Stendhal, Tieck etc. Today’s reality made unexpectedly topical the ideas and conclusions about a man and the world in the work of American and German writer though their stories are unique.

The comparative analysis of “Daisy Miller” and “The Death in Venice” reveals the coincidence of James’s and Th. Mann’s deep-laid reflection about the essence of man’s nature in its interaction with the world. The Roman fever which stroke Daisy as well as the plague in «The Death in Venice» – are metaphors of the ruinous epidemic of hypocrisy and intolerance to another leading to destruction of love, culture and personality. The both literary works reveal a Romantic conflict between reality and great unrealized potential of a man in his striving to personal freedom and creativity. And namely that defines the pathos unifying H. James’s and Th. Mann’s literary works. In spite of the tragic end of their characters’ story these are hymnal works wrote in praise and adoration of a Man.

Keywords: death in Venice, nationalism, encounter, innocent, tolerance, the right of choice.

Символический смысл мотива «смерть в Венеции», рожденного европейской литературой XIX в. (Байрон, Ж. де Сталь, Купер, Бальзак, Стендаль, Тик, Тютчев) и кульминаровавшего в новелле Т. Манна «Смерть в Венеции» (1913), особым образом был актуализирован в конце XIX века. Ключевые идеи времени о гибели богов и культуры, о конфликте культуры и цивилизации, творческой личности и губительном для таланта реальном мире находили блестящее воплощение в произведениях многих писателей этой поры, создававших свои истории в декорациях итальянских городов-памятников. Несложно уловить объединяющий многих писателей разных стран и разных эпох вектор отношения к итальянской культуре и к самому образу Венеции как к одному из ее (и не только ее) ярких воплощений, по словам Рескина, застывшей в камне над водою «великой державе», одному из «престолов человечества» [8; 11], где, как напишет Байрон в IV Песне «Чайльд-Гарольда», среди Творений Мысли «<...>прибежище осталось / Для верящих надежде, молодых, / Для стариков, чей дух гнетет усталость / И пустота» [2, с. 238]. Красавица Венеция, по словам английского поэта-романтика, «<...>была уже давно для всех пришельцев чужестранных / Приманкой дивною мечтаний постоянных» [1].

Знаменитые «итальянские» новеллы Г. Джеймса («Дейзи Миллер», 1879, «Письма Асперна», 1888) отдалены от новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции» дистанцией в 30–20 лет соответственно. Их сюжет и проблематика определены у каждого из писателей своим временем, своими национальными и индивидуальными акцентами. Но, тем не менее, значимость великих произведений, которые надолго остаются в памяти, в том, что они затрагивают некие общечеловеческие проблемы, имеющие проекцию и в будущее. Сегодняшняя действительность неожиданно обнажила актуальные и для XXI века точки совпадения глубинной рефлексии Г. Джеймса и Т. Манна¹ о сущности человека в его взаимодействии с внешним миром, при всем том, что истории, рассказанные ими, уникальны и неповторимы.

¹ Надо отметить, что сопоставления творчества Г. Джеймса и Т. Манна все же возникали в литературоведении по разным поводам: по поводу темы искусства (в рассказе Г. Джеймса «Урок мастера» и «Тонио Крегер» Т. Манна [4, с. 96–98]; по поводу итальянского, венецианского колорита [10].

Как не раз подчеркивалось литературоведами, у Т. Манна история Густава Ашенбаха во многом служит иллюстрацией ницшеанских идей о конфликте дионисийского и аполлонического, о порядке и хаосе, рациональном и чувственном, о гении, обреченном на болезнь и на погибель. У Генри Джеймса, и это тоже было не раз отмечено исследователями, в центре – сквозная для его творчества проблема встречи / столкновения американского и европейского, «своего» и «чужого».

Смерть в Венеции / Риме оказывается метафорой гибели каких-то важных сущностных явлений человеческой природы и самой действительности, неизбежной в конфликте, представленном обоими писателями.

История героев в новеллах американского и немецкого автора начинается с некоего импульса, обуславливающего процесс поиска самого себя, начало квеста по дороге, ведущей к самому себе. Все в этом начале пути кажется случайным: случайна встреча повествователя «Писем Асперна» с хранительницей писем знаменитого писателя Асперна; случайна встреча Уинтерборна с очаровательной, но со странной манерой поведения Дейзи Миллер; случайна встреча Ашенбаха с рыжим, дионисийского вида мужчиной на кладбище, давшего импульс к началу движения.

Но при всей видимой случайности происходящего каждый из них ощущает важный момент инициации утраченной или непроявленной свободы духа, вкуса к жизни, к ее эмоциональной, чувственной составляющей. Это пробуждение от статичного пребывания в рамках рационально-логичного бытия ведет героев к кульминации – к нравственному выбору дальнейшей формы существования. Цена этого выбора – возврат к нулевой/исходной позиции или смерть, что в принципе тождественно.

Безусловно, есть соблазн сопоставить со «Смертью в Венеции» Т. Манна, прежде всего, «венцианский рассказ» Г. Джеймса «Письма Асперна» или же «венцианский роман» «Крылья голубки» (1904), но ближе к новелле немецкого автора, думается, «римская история» о Дейзи Миллер. В обоих рассказах одним из объединяющих начал оказывается проблема национальных противоречий, образующих глобальную общечеловеческую проблему противостояния «я» и «другой», непонимания, нетолерантности, враждебности, ведущей к гибели.

При всем том, что, скажем, Т. Манн, как не совсем верно утверждает В. Толмачев, «никогда не выплескивает свои переживания в литературу» [13, с. 414], он оказывается своеобразным «зеркалом» своей эпохи, тех социально-политических проблем, которые его волновали. И прежде всего, национализма в разных формах его проявления². Боюсь, что пойду вразрез с теми многочисленными и привычными интерпретациями «Смерти в Венеции» Т. Манна³, но исхожу из самого текста.

Причина того, что аполлонийское чувство Ашенбаха к Тадзио трансформировалось в неудержимую старческую похоть, объяснена самим автором в том эпизоде, когда Ашенбах, любуясь красотой мальчика, заметил, как его прекрасное лицо исказила гримаса очевидной ненависти к семье русских, мимо которой тот прошел (естественная реакция поляка после восстания в Польше в 1863 г.): *«Эта вспышка детского национального фанатизма, вызванная благодумнейшей обывательской идиллией, перенесла божественно-пустое в сферу человеческих*

² О проблеме Т. Манн и национализм есть большое количество исследований, которые убедительно раскрывают активную позицию писателя в борьбе с любым проявлением национализма [см.: 5].

³ Не соглашусь с Е. Волошук в том, что изменение «суто естетичного відчуття» к Тадзио у Ашенбаха произошло «оскільки на час “канікул” він звільнив себе від творчих обов’язків, його почуття захвату спрямувалося не в звичне мистецько-творче русло, а в річище життєвої, суто “людської” реалізації» [3, с. 328].

отношений, и прекрасное творение природы, казалось бы, созданное только для улады глаз, сделалось достойным более глубокого участия» [6, с. 479]. То есть не идеалистически-платонического, каковым это «участие» было в начале истории, а «человеческого», чувственного.

Противостояние «я» и «другой» у Г. Джеймса конкретизируется в видимом национально-культурном противостоянии европейцев и американцев. Последние представлены в нескольких вариантах. Один из них воплощает абсолютную нетерпимость к инокультурному, тот национал-шовинизм американцев, прибывших в Европу, безусловно верящих в то, что – «Америка превыше всего», а Шильонский замок, Рим не идет ни в какое сравнение с Schenectady – американской провинцией. Все это характеризует Рэндольфа, брата Дейзи, во взглядах которого есть многое из того, что улавливал и Марк Твен в своих американских «простакх», не желавших смотреть гробницу Тутанхамона, поскольку привыкли потреблять свежий, а не залежалый два тысячелетия «second hand» продукт. Второй вариант – умеренное приятие «чужого» с неизменным осознанием превосходства «своего». Таковой оказывается миссис Миллер, понимающая Дейзи, но все же стоящая на стороне сына Рэндольфа. В среде американцев, проживающих в Европе, тоже вполне различимы оттенки – от крайности другого рода до приемлемого, толерантного отношения к вновь прибывшим соотечественникам. Как известно, нет яростнее католика, чем обратившийся в иную веру протестант. *«В Европе, – как отметит М. Твен, – мы легко и быстро приучаемся вести себя так («с верноподданническим чувством, за которое платят презрением». – Т. П) по отношению к коронованным особам и аристократам; более того, мы начинаем хватать через край и в своем раболепии и тщеславии очень быстро превосходим местных жителей»* [11, с. 314]. Таким яростным защитником европейскости оказывается миссис Уокер, которая демонстративно выражает свое суровое неодобрение поведения Дейзи Миллер в Риме. Миссис Костелло более терпима к нарушениям кодекса нравственных правил и этикета в поведении, но все же стоит на стороне их неукоснительного соблюдения. Натурализовавшись в «европейском мире», обе рьяно исповедуют приверженность его нравственным нормам.

Из всех представленных типов американцев, сталкивающихся с «чужим» культурным контекстом, входящих в него с покорностью либо решительно отрицающих европейскую культурную инаковость, возникает некий рифмующийся рисунок со своими крайними полюсами и переходами. В пограничной зоне между двумя культурами оказываются те, кто очутился посередине, нигде, на фронтире. Такими своеобразными фронтисменами и предстают со стороны вновь прибывших Дейзи, а со стороны натурализовавшихся, но не до конца, американцев Уинтерборн. Их пограничный статус и дает им шанс, как когда-то и Натти Бампо, но в другой историко-культурной ситуации, определиться с окончательным выбором в процессе «возможности выбора», возможности гармоничного компромисса между двумя крайностями в противостоянии «своего» и «чужого». Они идут друг к другу из крайних точек национально-культурной нетерпимости, воплощая в своем мироощущении и ментальности американца, вкусившего достоинство демократических свобод, и личности со своим кодексом чести⁴.

Их неслучайная встреча, а дальше – свободное перемещение по пространству европейской культуры вдвоем, посещение ночного Шильонского замка оказывается возможным, но не в Италии, ее эпицентре, а только в Швейцарии, – «обочине европейской культуры», – где допустима вольность, компромисс

⁴ Об этой проблеме выбора Г. Джеймс напишет в Предисловии к роману «Крылья голубки», когда назовет свою героиню-американку Милли – «a strong and special implication of liberty, liberty of action, of choice, of appreciation, of contact» [15, p. 14].

на фоне смешения разных языков и культур. Город Веве, в котором встретились Уинтерборн и Дейзи, – появится как такой центр пересечения инокультурного в их возможной приязни друг к другу еще раз в творчестве Хемингуэя (рассказ «Канарейку в подарок», сборник «Мужчины без женщин», 1927 г.). И здесь Веве – одно из немногих мест встречи и взаимопонимания американского и европейского. В этом знаменитом рассказе возникает все та же проблема национально-культурной нетерпимости: мать запрещает дочери встречаться с европейцем, т. к. не видит перспектив в союзе с неамериканцем. Здесь же будет упомянут и отель *Trois Couronnes*, в котором останавливаются герои двух американских писателей. Парадокс и у Г. Джеймса, и у Хемингуэя в том, что все противостояние американцев с неамериканским зарождается и происходит исключительно в среде американцев, живущих в Европе, в лоне европейской культуры. И отсюда «формула решения “интернациональной темы”, в которой “свое” несет положительное, а “чужое” – негативные коннотации, в “Дейзи Миллер” модифицируется так, что совместилищем и того, и другого представлено именно “свое”» [4, с. 53].

В это летнее утро встречи с Дейзи Уинтерборн ощутил новый жизненный импульс, который заставил его отринуть уже привычные условности европейского света, забыть о своей привязанности к некой «*foreign lady*», даме, значительно старше его по возрасту⁵.

Свежесть утра и свежесть свободы человеческого общения заставляют его забыть о приличиях света. Но чем дальше удаляются герои от демократичного Веве, чем ближе они подбираются к эпицентру европейской культуры: из Веве – через Женеву к Риму, – тем острее и драматичнее встает перед ними проблема оценки и выбора своей позиции во взаимоотношениях. Прогулка вдвоем теперь уже по Риму, как и посещение ночного Колизея, для Уинтерборна на новом этапе знакомства с Дейзи оказывается невозможным. Мнение света становится строже, и Уинтерборн, все больше ощущая свою зависимость от него, вынужден отдалиться от Дейзи, критически отнестись к ее прогулкам по улицам Рима с новым итальянским другом. Выбор Уинтерборна, который он, в конце концов, делает, – подчинение «правилам» Старого Света, возврат в лоно разумного, аполлонического.

Выбор Ашенбаха иной: он отдается свободе чувственного, творческого начала, которая побуждает его вернуться назад в охваченный чумой город, туда, где еще находится объект его творческого и чувственного наслаждения. Это путь к самоуничтожению, физическому и нравственному, как и путь Уинтерборна, который тоже ведет к гибели, но, в основном, нравственной, духовной⁶. Лишь Дейзи неизменна в своем свободном и искреннем восприятии мира. Она от начала и до конца истории остается той «*innocent*», какой увидел ее Уинтерборн лет-

⁵ Эпизод связи героя с леди намного старше его повторится в романе «Крылья голубки», когда Мертон появится перед Кейт с дамой в летах, как бы демонстрируя и свое право на иной выбор.

⁶ <...> Как будто бы в него влился поток отрадный,

Освободив его от мертвенных вериг.

И вот лепечет он с трудом о жизни новой,

О том, что дух его хоть слаб, но уж парит;

О свежем воздухе он жадно говорит,

Искать спасения, здоровья вновь готовый...

И шепчет все слабей, что чувствуя того,

Что задыхается, что Смерть уж ждет его<...>

(Байрон. Ода Венеции. Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник [1].

Байрон своей «Одой Венеции» как будто предвещает мотив сладостной смерти в Венеции, который прочувствуют и американцы – Г. Джеймс, Хемингуэй в романе «За рекой в тени деревьев» (1950).

ним утром в Веве. Какие бы замены не находили в американско-европейском обществе первоначальной характеристике Дейзи, – вместо *innocent* в оценках поведения девушки появятся определения – *common, vulgar, uncultivated, ignorant*, – повесть возвращает нас к главному и ключевому эпитету *innocent*, соотносимому с сущностью юной американки. В семантике *innocent* акцентируется тот смысл, который противопоставляет ее характерам и типам американцев наподобие миссис Уокер и даже Уинтерборна. Открытость Дейзи и толерантность всему, с чем и с кем она встречается, готовность принять и понять другого означена и самим ее именем, не тем сухим и официальным (читай, приличным и достойным сословного статуса – Anni P. Miller), а именем – символом самой естественной природы Америки (Daisy – фиалка), именем, вобравшем в себя и «свое» и «чужое». Понятно, что американское *Miller* – исходное от фамилии былых немецких эмигрантов в США – *Mueller*. Эту значимость имени, как и сущности Дейзи, не видят все те, кто ее окружает в Европе. В этом имени, как и в самой Дейзи, они видят только вульгарность и неаристократизм, заурядность, а отсюда насмешливое его переименование – Miss Baker [15, с. 72]. «*Innocent*» оказывается ключевым словом у Г. Джеймса, и в этом он типичный американец, осмысливающий образ и миссию американца сквозь пуританскую идеологию и национально-культурный миф США. От В. Ирвинга до М. Твена и Г. Джеймса, автора «Дейзи Миллер», *innocent* оказывался одним из главных концептов, который соотносится с типичным для американской истории образом американца. С тем американцем, который столь часто сталкивается с незнакомым ему миром. Этот мир он будет пытаться узнать, освоить и научиться в нем ориентироваться в совершенстве. Дейзи на самом деле – символ «свежих глаз», умеющая при всей своей кажущейся наивности разглядеть сущность происходящего. Ее оценка неискренности и лицемерия Уинтерборна воплощена в игре понятием *engaged* («обручиться» – «не обручиться» с Джованелли), в определении Уинтерборна как *stiff, too stiff* – т. е. зашоренного, ограниченного рамками условностей, несвободного от этих условностей, живущего двойной моралью, о которой в связи с американцами так точно высказался Марк Твен: «Наша официальная нравственность нашла выражение в величавом и в то же время гуманном и добросердечном девизе: “*Ex pluribus unum*”⁷, из которого как бы следует, что все мы, американцы, большая семья, объединенная братской любовью. А подлинная наша мораль выражена в другом бессмертном девизе: “*Эй, ты там, пошевеливайся!*» [12, с. 289]. Г. Джеймс в какой-то мере опровергнет это утверждение М. Твена своими героинями-американками – Милли из романа «Крылья голубки», Мегги из романа «Золотой чаши», которые до конца сохраняют свою искренность и нравственную чистоту, жертвуя многим, даже жизнью, во благо счастья ближнего.

Характеристика самой Дейзи как *innocent* – чистой, невинной – вернется в сознание Уинтерборна в конце повести, когда он, пройдя сложный путь от попыток выйти за рамки ограничений свободы к пониманию невозможности этого порыва, признает значимость Дейзи и ее роль в том шансе, который ему давала жизнь и которым он не смог воспользоваться. После встречи с Дейзи и ее смерти в Риме он, как и Кейт с Мертоном после встречи с Милли и ее смерти в Венеции, «уже никогда не будет тем, кем был». «Порядок» – сословно-культурная иерархия – возобладала над «хаосом». Уинтерборн, по сути, предает не только Дейзи, но самого себя. В Риме погибает не только Дейзи, но и часть души Уинтерборна, который возвращается к исходной точке своего *quest'a* – к своей «*foreign lady*», к той мертвящей размеренности «порядка» и «правил». Не случайно настойчивое повторение того, что эта леди была немолода, гораздо старше Уинтерборна. Здесь, как и у Т. Манна – очевидна символизация темы старость – молодость, раскрывающей

⁷ Из многих одно (лат.).

попытки героев вернуть и насытиться энергией молодости, юности; попытки реанимировать их в себе, что в историях двух героев оказалось невозможным. В раскрытии этой по-романтически неосуществленной потенции человека к свободе личности и творчеству, погубленной им самим, великий пафос новеллы и Г. Джеймса, и Т. Манна. «Дейзи Миллер», как и «Смерть в Венеции», при всем трагическом исходе – гимническое произведение [7, с. 26]. Так Томас Манн сам определял пафос своего творения, в котором раскрывалась высокая драма несовпадения человеческих возможностей и реальности. В качестве иллюстрации этой главной мысли «Смерти в Венеции» писатель включает стихотворный эпиграф, собственного сочинения, что случилось с ним единственный раз за все творчество:

*Помнишь? Волнение хмельно, неожиданное новое чувство
Вдруг овладело тобою, пасть тебя ниц заставляя, –
И, потрясенный, лежал ты, лицом уткнувшись в ладони;
Полнилась гимном душа и вылиться в песню рвалась,
Слезы застлали твой взор... Но, увы, ничего не свершилось,
Труд начался кропотливый, усердные поиски формы.
И вдохновенная песнь свелась к поучительной притче. [7, с. 25]*

(Перевод А. Исаевой)

Поучительная притча и Г. Джеймса, и Т. Манна в принципе – об одном: об открытии в себе «другого» и о несовпадении этого «другого» с реальностью.

Римская эпидемия лихорадки – «*fever*», которая поразила Дейзи, как и холера в «Смерти в Венеции» – это осознаваемая метафора губительной эпидемии ханжества и нетерпимости к другому, разрушающих любовь, любую культуру и человека, в ней находящегося. Это национальное, социальное и нравственное ханжество и снобизм оказались именно тем, что подрезало «крылья голубки», которые, согласно Псалму 55 (источнику символического названия романа Г. Джеймса), наделяют человека спасительной свободой и покоем.

Устами своего героя из романа «Бостонцы» Г. Джеймс выскажет одну из ключевых для своего творчества мыслей о том, что источник зла коренится в самой человеческой природе и поэтому без ее «реформирования» изнутри внешние преобразования ни к чему не приведут, зло лишь изменит свое обличье, но никуда не денется из человеческой жизни [9, с. 14]. В этом точка абсолютного сближения двух новелл. Знал ли Томас Манн об этой новелле Генри Джеймса – неизвестно. Но это и не важно. В литературе, в художественном сознании писателей разных эпох, с одинаковой глубиной и силой обобщения переживающих узловые моменты истории, не могут не возникать сходные сюжеты и образы, отражающие и совпавший ход размышления, и, как результат, – совпавшие выводы, которые оказались актуальными и для сегодняшнего дня!

Библиографические ссылки

1. Байрон Дж. Г. Ода Венеции / Джордж Гордон Байрон ; пер. с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0620oldorfo.
2. Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда / Джордж Гордон Байрон ; пер. с англ. В. Левика // Байрон Дж. Г. Соб. соч. : в 4-х т. – М. : Правда, 1981. – Т. 2. – С. 238.
3. Волощук Є. Чарівна флейта модерну. Духовно-естетичні тенденції німецькомовної модерністської літератури ХХ ст. у ліриці Р. М. Рільке, прозі Т. Манна, драматургії М. Фріша / Є. Волощук. – К. : Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2008. – 328 с.
4. Коренева М. М. Генри Джеймс / М. М. Коренева, Т. Л. Морозова и др. // История литературы США. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Т. V. – С. 96–98.
5. Любарский Л. Томас Манн и евреи / Лазарь Любарский // Мы здесь. – 2014. – № 435. – 5 февраля.
6. Манн Т. Смерть в Венеции / Томас Манн ; пер. с нем. // Манн Т. Соб. соч. : в 10 т. – М. : Худож. лит., 1960. – Т. 7: Рассказы. – С. 448–522.

7. *Манн Т.* Письмо Карлу Марии Веберу / Томас Манн ; пер. с нем. // Манн Т. Письма. – М. : Наука, 1975. – С. 26.
8. *Рескин Дж.* Камни Венеции / Джон Рескин ; пер. с англ. А. В. Глебовской, Л. Н. Житковой. – СПб. : Азбука-классика, 2009. – 352 с.
9. *Селитрина Т. Л.* Проблематика и поэтика романов Г. Джеймса 1890-х гг. : учеб. пособие / Т. Л. Селитрина. – Уфа : БГПИ, 1991. – 153 с.
10. *Соболева О. В.* Венецианский текст в современной русской литературе (1996–2009): дисс. на соиск. ученой степени канд. филол. наук / О В. Соболева. – Пермь, 2011. – 210 с.
11. *Твен М.* Американская монархия / Марк Твен ; пер. с англ. М. Беккер // Твен М. Собр. соч.: в 8-ми т. – М. : Правда, 1980. – Т. 8. – С. 314–315.
12. *Твен М.* Мы – англосаксы / Марк Твен ; пер. с англ. А. Старцева // Твен М. Собр. соч.: в 8-ми т. – М. : Правда, 1980. – Т. 8. – С. 288–289.
13. *Толмачев В.* Творчество братьев Манн и немецкая литература начала XX века / В. Толмачев // Зарубежная литература конца XIX – начала XX века ; под ред. В. М. Толмачева. – М. : ACADEMIA, 2003. – С. 408–422.
14. *James H.* Daisy Miller / Henry James. – Penguin Books, 1995. – 191 p.
15. *James H.* The Wings of Dove / Henry James [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.online-literature.com/henry_james/wings_dove/o/

Поступила в редколлегию 15.02.2016 г.